

де комиссар Кенжебек оққа ұшады. Ал шекара әскерлерімен қақтығысқан ауыл Шыңжанға өтіп, Қобда бетіне қайтадан оралмады. Бұл оқиға қазақтар тарихында «Кенжебек айдаған жыл» деген атпен қалды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Қабышұлы И. Моңғолия қазақтарының тарихы. Баян-Өлгей. 1980. 4-б.
2. Мауқараұлы А. Қызыл қырғын.// Ақиқат. №9. 4-б.
3. Мiнiс Ә., Сарай А. МХР Баян-Өлгей аймағының қазақ халқы тарихынан. Баян-Өлгей. 1960. 184-б.
4. Мауқараұлы А. Қызыл қырғын.// Ақиқат. №9. 4-5 б.
5. Мiнiс Ә., Сарай А. МХР Баян-Өлгей аймағының қазақ халқы тарихынан. Баян-Өлгей. 1960. 72-б.
6. Қабышұлы И. Моңғолия қазақтарының тарихы. Баян-Өлгей. 1980. 191б.

7. Мауқараұлы А. Қызыл қырғын.// Ақиқат. №9. 5-б.
8. Мiнiс Ә., Сарай А. МХР Баян-Өлгей аймағының қазақ халқы тарихынан. Баян-Өлгей. 1960. 66-б.
9. Қозғанбаева Г.Б. Қазақ диаспорасы қашан, қалай пайда болды? // Қазақ тарихы . – 1995. №4. – 43-49 б.
10. Қабышұлы И. Моңғолия қазақтарының тарихы. Баян-Өлгей. 1980. 192б.
11. Мауқараұлы А. Қызыл қырғын.// Ақиқат. №9. 4-5 б.
12. Мiнiс Ә., Сарай А. МХР Баян-Өлгей аймағының қазақ халқы тарихынан. Баян-Өлгей. 1960. 104-б.
13. Шәрбақынұлы З. Киелі қанның тамшысы. Көкшетау, 2005. 85-б.
14. Қабышұлы И. Моңғолия қазақтарының тарихы. Баян-Өлгей. 1980. 197б.
15. Мауқараұлы А. Қызыл қырғын.// Ақиқат. №9. 4-б.
16. Шәрбақынұлы З. Киелі қанның тамшысы. Көкшетау, 2005. 91-б.
17. Мауқараұлы А. Қызыл қырғын.// Ақиқат. №9. 4-б.

Козыбаева М.М., магистрант

Костанайский государственный педагогический институт

**СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
НА ОРГАНЫ ПЕЧАТИ В КОНЦЕ 30-х ГОДОВ XX в.
(НА ПРИМЕРЕ КУСТАНАЙСКОЙ ПЕЧАТИ)**

От недалекого советского прошлого сохранились тенденция или привычка контролировать печать, не смотря на объявленную свободу слова. Это обстоятельство нередко возвращает нас к истокам такого понятия, как цензура – основного фундамента советской идеологии, без которой, возможно, она не получила бы шанса на существование в течение такого длительного времени. Одной из печальных юбилейных дат является 85-летие со дня создания 6 июня 1922 года Главлита СССР (позднее РСФСР), положившего начало невиданной в истории тотальной цензуры. Под особым контролем находились и национальные органы печати, прежде всего, из-за отдаленности от Центра и во из-

бежание проявления националистических идей на местах.

Прежде всего, представляется необходимым остановиться на понятии цензуры. Большая Советская энциклопедия дает следующее определение: «Цензура – контроль официальных (светских или духовных) властей за содержанием, выпуском и распространением печатной продукции... с тем, чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными» [1; с.489]. Тут же говорится о том, что «Конституция СССР гарантирует гражданам свободу печати. Государственный контроль установлен с тем, чтобы не допустить опубликования в открытой печати и распространения

средствами массовой информации сведений, которые могут нанести ущерб интересам трудящихся» [1; с.490]. Этой самой формулировкой отвергалось существование открытой цензуры в Советском союзе как таковой, но обуславливалась необходимость «контроля». Остается только догадываться, какие такие сведения могли нанести непоправимый моральный ущерб советскому человеку?

На современном этапе становления правовой системы, с опубликованием многих секретных ранее материалов, можно открыто сказать, что цензура, нередко пряча свой облик за различными вывесками, все-таки имела место в советское время. Выясняется, что цензура, являясь стержнем советской идеологии, первоначально сосредотачивалась в целом ряде специальных учреждений: Ревтрибунал печати, Военно-революционная цензура, Политотдел Госиздата и т.д. [2; с.253-260]. Они плохо координировали между собой свою работу, соперничали друг с другом, претендуя на главную роль, что, как ни парадоксально, содействовало благополучному положению авторов в сфере контроля над печатным словом.

Лишь в эпоху НЭПа, когда появляется большое количество изданий, возникла потребность «наведения порядка» в этой области. 6 июня 1922 года по решению Совнаркома – «в целях объединения всех видов цензур» был создан Главлит СССР, который до 1935 года носил название Главного управления по делам литературы и издательств при Наркомпросе, позже - Главного управления по охране государственных (в 30-40-е годы добавлялось «и военных») тайн в печати [3; с.37]. Изменение названия одного из главных учреждений страны свидетельствовало о предчувствии реальной затяжной войны, атмосфера которой до поры до времени проявлялась в идеологической и политической борьбе с миром капитализма.

Нельзя забывать и том, что вторая половина 30-х годов явилась пиком массовых политических репрессий, осуществленных на приговорах, которые зачастую основывались на формулировке цензурных органов, по сути выполнявших в это время функции судьи и палача. Поэтому изучение особенностей предвоенной цензуры конца 30-х годов на примере конкретных органов печати поможет понять всю специфику времени.

Главлиту предписывалось иметь тщательное наблюдение не только за частными, но и профсоюзными, кооперативными, ведомственными и прочими издательствами. Цензура распространилась и на зарубежные издания, ввозимые в пределы советских республик [4; с.20].

Органы Главлита на местах в национальных республиках были представлены республиканскими и областными управлениями. 6 декабря 1922 года был официально учрежден Кирглавлит, и среди первых его мероприятий была регистрация всех издательств с целью «всесторонне выяснить физиологию каждого издательства» [4; с.20]. Следует отметить, что процесс регистрации затянулся на несколько лет, на более поздние сроки отодвинулся и процесс организации местных органов цензуры: вплоть до 1926 г. констатировались факты отсутствия рай- и гублитов в Казахстане. Кстати, циркуляр 1926 г. официально объявлял, что «в СССР цензуры нет, а потому употребление устаревших терминов «цензор» и «цензура» неправильно, поскольку Окриты, Гублиты и Облиты – не цензура, а органы контроля». [5; с.202].

Сохранились документы Кустанайского областного управления по делам литературы и издательств, которое лишь к 1936 году стало работать как «самостоятельная организация» (ранее – Окрит), укомплектованное «проверенными коммунистами» - цензорами [6; д.16, л.26-27].

Штат определялся в количестве 13 человек, в том числе «3 единицы технического персонала» [6; д.16, л.9]. Цензоры, как и инспекторы по изъятию враждебной литературы, перед тем как приступить к осуществлению обязанностей, проходили проверку и процедуру оформления через органы НКВД. Сохранилось требование Главлита КазССР «сообщить в каком состоянии находится секретное дело-производство» и «кто из работников Обллита имеет допуск от органов НКВД, на кого посланы анкетные данные и на кого еще не посланы» [6; д.2, л.1]. Кроме того, не всегда цензоры являлись людьми образованными. На 1938 год с высшим образованием работало только 3 человека, со средним образованием – 9 человек. Образование нередко заменяли партийные заслуги – комсомольцы и кандидаты КПБК проходили партийную школу [6; д.16, л.3]. Несмотря на предпринимаемые меры, главными проблемами в деятельности органов цензуры оставалась утечка кадров, их постоянная сменяемость, крайне низкий образовательный уровень цензорских работников.

Необходимо отметить, что количество цензоров колебалось в зависимости от числа газетных изданий. Данные конца 30-х годов выявляют, что в костанайском регионе работу осуществляли 13-ти типографий, которые обеспечивали выход 2-х областных («Сталинский путь» и «Большевиктык жол»), 12-ти районных газет, 3-х многотиражек, из которых по поводу 2-х из которых по Джетыгаринскому району, как сокрушался начальник Облита Тасмухамедов А.Ш., не было никаких сведений по цензуре [6; д.16, л.32]. Выясняется, что газеты издавались повсеместно практически во всех районах кроме Кустанайского и Затобольского, из них 4 издавались на казахском, 10- на русском языках. Представить объем работы цензоров помогает периодич-

ность выхода газет: районные выходили 10-15 раз в месяц, областные – ежедневно помимо выходных дней [6; д.16, л.27]. Тираж составлял в среднем 10 тысяч экземпляров для областных газет, 2000-2500 – для районных. [6; д. 17, л.102]. Цензурная проверка осуществлялась 2 раза и сопровождалась грифами «разрешено к печати» с подписью главного редактора и «разрешено к выпуску в свет»- под ответственность цензора с согласованием с областным управлением [6; д.16, л.33]. Парадоксально, но работая в редакции определенной газеты, цензор являлся по отношению к ней фигурой независимой, подчиняясь Обллиту, так же, как и политкорректор и другие «контроллеры» [7; с.4].

Уже в начале 40-х годов давление на печать ужесточается: двухразовая проверка полностью переходит под контроль цензора и областного управления, появляются требования Главлита «об отправке обязательных экземпляров» (так называемых сигнальных номеров областных и районных газет во Всесоюзную книжную палату в Москве). Циркуляр Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати от 2 октября 1940 года предписывал для наведения порядка в ситуации невыполнения редакторами выше означенного требования следующий «простейший метод»: «цензор... прежде чем приступить к контролю очередного номера газеты, требует от руководителя типографии предъявления документов – почтовой квитанции и копии накладной об отправке... обязательных экземпляров в Москву...» [6; д.6, л.8]. Цензура, таким образом, к концу 30-х - началу 40-х годов складывается как разветвленный бюрократический аппарат, который нес в своем корне некую любовь к бумагомаранию и составлению всевозможных актов, стало нормой нарушение принципа единоначалия, когда у газеты возникало

много начальников и большие преграды на ее пути в руки читателя.

В это время активно развивалось секретное делопроизводство, значимость и назначение которого на первых порах никак не могли уяснить органы управления по делам литературы. Секретная переписка издательств с Главлитом позволяла своевременно сообщать о нарушениях на местах пунктов «Перечня по охране государственных тайн в печати от 1930 года» [3; с.38], согласно которому к государственным тайнам, помимо политико-идеологических, были отнесены вопросы экономики, статистики, медицинского обслуживания, военного дела, транспорта и т.д. Появилось понятие «ведомственной тайны». Такие материалы Главлит мог разрешить к печати только «при наличии виз» их руководителей. Другими словами, чиновники сами могли объявить государственной тайной все, что им было выгодно по тем или иным причинам.

В сохранившихся архивных документах находим многочисленные примеры характерных «опечаток», из-за которых снимались с конвейера номера как областных, так и районных газет. Иногда дело доходило до абсурда. Так, например, в «Письменном отчете Кустанайского областного управления по делам литературы и издательств за 1939 год» говорится, что «за опечатку в газете Сталинский путь №271 от 26 ноября 1938 года «В обращении совещания стахановцев-животноводов тов. Сталину» написано «Мы знаем, что работаем на *смих* (выделено нами – К.М.) себя и для блага нашей прекрасной родины» редактор т. Шуцкий и директор Трофимов получили выговор, а ночной корректор и ответственный дежурный сняты с работы» [6; д.16, л.29]. Мало того, явная техническая опечатка получила квалификацию «совершенно государственной политической ошибки», в результате чего в срочном

порядке были поставлены «в известность органы НКВД», реакция которых вряд ли нуждается в комментариях [6; д.16, л.29].

Примеров подобной «бдительности» предостаточно. Вот еще один: было изъято 500 экземпляров «Сталинского пути» от 3 августа 1939 года за опечатку в предложении: «Культиватор назначен для *международной* (выделено нами – К.М.) обработки почв» вместо «междурядной» [6; д.16, л.1]. Боязнь затрагивания международной темы в любых ее ракурсах проявлялась в особом контроле над выходом статей политического характера, сурово наказывались малейшие упущения. Например, изъяты номера областной газеты «Большевиктык жол» за 2 ноября 1939 г., №251 с опечаткой в цитировании слов Молотова на V сессии Верховного Совета и Сталина на 17 съезде партии о том, что «отношения Советского Союза с Германией строились на другой основе, не имеющей ничего общего с интересами *уничтожения* (выделено нами – К.М.) после военной версальской системы». Нужно было – «увекочивания» [6; д.16, л.1]. Вовсе неслучайно еще в конце 20-х годов Главлит призывал Окрлиты «усилить контроль над освещением вопросов международной политики в нашей печати». В официальных документах строго указывалось: «Во избежание расхождения линии местной печати и политики Советского Правительства в вопросах международной политики необходимо, чтобы статьи и заметки на эту тему обязательно согласовывались с местными представителями НКВД и руководителями организаций» [8; д.1, л.80]. Возможно, главное управление надеялось, что органы НКВД помогут разобраться с местным органам печати в сложных «перепетиях» внешней политики СССР и наставит раз и навсегда их на путь истины?

Не были обделены вниманием Облита и районные газеты. Один

красноречивый пример: изъято около 1300 экземпляров газеты «Большеви́стское знамя» (издание Пресногорьковского РК КП(б)К) от 6 ноября 1939 года из-за наивного невежества о том, что «в годы столыпинской революции Ленин был за границей» [6; д.16, л.1]. Принимая в расчет подобную «бдительность», вовсе не удивительными кажутся карательные результаты работы областных цензоров. Всего лишь за 1939 год было «вскрыто»: политико-идеологических искажений -171, искажений цитат – 48, составляющих государственную военную тайну – 3 и т.д., итого – 4557 «опечаток» [6; д.16, л.2].

Параллельно шли процессы по конфискации «враждебной» литературы, предпринимались изъятия их библиотек «книг и брошюр устаревших..., пришедших в негодность из-за абсолютной искаженности» [6; д.1, л.22]. С каждым движением репрессивной машины партии пополнялись списки «провинившихся» авторов. Выявление и конфискацию враждебной литературы осуществляли специальные сотрудники Обллиты – инспектора. Особую активность этот процесс приобрел с 1936 года, и уже в 1938 году по области было изъято около 57 тыс. экземпляров враждебной литературы, в 1939 году- 36052. В основном под запрет попадали произведения таких российских авторов, как «Заковский, Уранов, Кольцов М., Косарев». Среди антисоветских националистических изданий обозначен сборник М. Ауэзова «В тени прошлого» и «Караш-Караш», пьеса Б.Майлина «Аульская школа» и многие другие. Всего по спискам 9740 названий [6, д.16, л.3].

Учитывая всю серьезность политической ситуации в стране, остается только догадываться, чем не угодили властям обложки ученических тетрадей «с рисунками «Песнь о вещем Олеге» (Богатыри), «У Лукоморья дуб зеленый», ...рисунки художников

Васнецова и Крамского» (которые в принципе никак не могли навредить советской власти в силу того, что им, возможно, «повезло» родиться на столетие раньше). Акты изъятия из местного магазина и сожжения обложек в декабре 1937 года в городе Кустанае запечатлели материалы областного архива [6; д.1, л.72].

В середине 1938 года наметился очередной поворот. Многочисленные исследования сходятся на том, что массовые репрессии прекратились после постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 декабря 1938 года. На смену политической расправе пришла более усовершенствованная и уточненная идеологическая цензура. По данным за 1938 год в СССР подобного рода цензуре подверглось 8550 газет, 1762 журнала, 39992 книги тиражом 692700 тыс. экземпляров, 1176 типографий и т.д. В свою очередь Главлитом Казахской ССР из 7194 газет к изданию было допущено только 312 по республике. К общей сложности за 1938-1939 гг. Казглавлит (в свою очередь и Кустанайский Облит) получил 199 приказов от Главлита РСФСР на изъятие произведений 1860 авторов с 7809 названиями книг, 4512 книг отдельных авторов [4; с.22]. Бешенство и разгул цензуры походило на времена Инквизиции: как и тогда изъятая литература уничтожалась путем сожжения.

Таким образом, с помощью цензуры к концу 30-х годов осуществлялось единообразное руководство литературой и сферой печатного слова. Произошла переоценка ценностей советского общества, четко определились политические мотивы в анализе и сообразности личностей и их критериев деятельности. Тех, кого не уничтожила политическая репрессия, задавила цензурная машина. Цензура приобрела новые, более жесткие окраски в силу утверждения примата истинности решений и постулатов власти и партии большевиков. На изломе деся-

тилетий наметился реальный шанс полного обновления доктрины подавления инакомыслия. В условиях сформированного наступления на все отрасли государственного и общественного устройства, произошла трансформация запретительных методов цензуры, приобретших более мощное и жесткое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская энциклопедия. М., 1978.
2. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX –XX вв. Учебное пособие для Вузов – М., Аспект-Пресс, 2001.

3. Блюм А. Министерство Правды. Цензура: происхождение видов // Новое время, 2002, №22 – С.36-38.
4. Каипова Б.М. История цензуры в Казахстане (1920-1956): Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Астана, 2002.
5. Блюм А. Рукописи не горят? К 80-летию основания Главлита СССР и 10-летию его кончины // Звезда, 2002, №6, С. 201-211.
6. ГАКО (Государственный архив Костанайской области), Ф.355, Оп.1.
7. Любченко П. Ошибки правила ночью // Костанайские новости, 2005 – 2 апреля - С.4
8. ГАКО, Ф. 733, Оп.1 «с».

Кудабаева А.Б., магистрант

Костанайский государственный педагогический институт

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ КАЗАХСТАНА

Сегодня в казахстанском обществе широко обсуждается проблема национальной идеи Казахстана. При этом выдвигаются различные варианты и подходы в определении данной идеи. В условиях глобализации необходимость выдвигения национальной идеи Казахстана становится еще более актуальной задачей, стоящей перед государством и обществом. Президент Казахстана Н.Назарбаев в своей работе «Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации», определяя институциональные основы динамичности и социально-политической стабильности общества, пишет: «...необходима сегодня четкая и конкретная концепция развития казахстанского общества, дающая каждому возможность увидеть азимуты нашего движения, обрести уверенность в предсказуемости событий, в достижении конкретного результата»[1, с.125].

Реформы, осуществляемые в Казахстане, имеют четкую цель – вхождение республики в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран

мира, а это требует консолидации всего казахстанского общества вокруг определенной идеи и парадигмы общественного развития, которые и составляют основу национальной идеи. В этом смысле национальная идея должна стать фактором мобилизации страны и всего казахстанского общества. Реализация национальной идеи должна стать адекватным ответом на современные вызовы глобализации с тем, чтобы обеспечить дальнейшее поступательное развитие нашей страны во благо всего общества и каждого казахстанца.

Необходимость национальной идеи продиктована несколькими задачами, стоящими перед государством и обществом. Прежде всего, это задача консолидации общества. Для Казахстана – консолидация казахстанского общества в единую нацию, под которой мы понимаем не этническую, а гражданскую общность. В настоящее время такой единой, целостной нации пока еще в Казахстане нет. Общество разделено по большому числу параметров: по отношению к собственно-